

Александр Николаевич Островский

**Праздничный сон — до
обеда**

Александр Островский
Праздничный сон – до обеда

«Public Domain»

Островский А. Н.

Праздничный сон – до обеда / А. Н. Островский — «Public Domain»,

© Островский А. Н.
© Public Domain

Содержание

Александр Николаевич Островский	5
ЛИЦА:	6
КАРТИНА ПЕРВАЯ	7
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	8
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	9
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	11
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Николаевич Островский **ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА**

По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда.

Картины из московской жизни

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзамина, вдова.

Михайло Дмитрич Бальзамино, ее сын, чиновник, 25 лет.

Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова, купчиха, 35 лет.

Капочка (Капитолина), ее дочь, 17 лет.

Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.

Акулина Гавриловна Красавина, сваха.

Нил Борисыч Неуденов, купец, брат Ничкиной, 40 лет.

Юша (Ефим), сын его, 13 лет.

Матрена, кухарка у Бальзаминовых.

Маланья, горничная у Ничкиной.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны ее шкаф, с другой — дверь в кухню; налево комод, на нем туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминава (*одна, сидит с чулком в руках*). Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрена меня завивает!»

Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Все счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдет, а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знай-ка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ темный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал. (*Подумав.*) И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос... не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается — из кожи лезет. Кто ж себе враг! Сторона-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идет, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче разборчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? (*Вздыхает.*) Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то бог счастье дает. (*Вяжет чулок.*)

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминов (*держась за голову*). Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (*в двери; со щипцами*). Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрена. А зачем велики отрастил! Ин шел бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то!
(*Уходит.*)

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! (*Подходит к зеркалу.*) Ай, ай, ай! Почернело все!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирульник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живем? Просто бедствуем.

Бальзаминова. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминова. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг...

Бальзаминова. Все у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминова. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдешь мимо богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживешь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминова. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять — ведь также у меня время-то идет, — зато вдруг...

Бальзаминова. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминова. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзаминова. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзаминова. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. (*Подбегает к окну.*) Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! (*Садится у окна, повеся голову.*) Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзаминава. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ на черной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил...

Бальзаминава. Все-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Бальзаминава. Ну, говори, какой?

Бальзаминов (*берет стул и садится подле матери*). Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет будто я очень хорошо, со вкусом: жилетка будто на мне, маменька, черная, с мелкими золотыми полосками; лошади будто серые, а еду я подле реки...

Бальзаминава. Лошади — ложь; река — речи, разговор.

Бальзаминов. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всем-то в новом платье, и прямо в грязь.

Бальзаминава. Грязь — это богатство.

Бальзаминов. Да какая грязь-то, маменька! Бррр... И будто я в этом... весь перепачкался. Так я и обмер! Во всем-то в новом, вообразите!

Бальзаминава. Это... золото. Это тебе к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот насмех один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо — проснешься, хватать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет! Перестану верить снам.

Бальзаминава. Как можно не верить.

Бальзаминов. Нет, нет! Один обман...

Бальзаминава. А вот подождем. Праздничный сон — до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет, — надобно его совсем из головы выкинуть.

Бальзаминов. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. (*Уходит.*)

Бальзаминава. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

Матрена (*в дверях*). Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Бальзаминава. Ну, позови!

Матрена уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красавина и Бальзамина.

Бальзамина. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзамина. Не признаю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полету. Где сын-то?

Бальзамина. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своем новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти.

Бальзамина. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой выюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состарешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов (*сконфузившись*). Чем тебя дарить-то? (*Шарит в карманах.*) Право... эх... ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет — суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый, французский.

Бальзаминов. Да уж хорошо, уж что толковать!

Красавина. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты свое возьмешь, и мне надо свое взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Бальзаминов. Да уж все, уж все, только говори.

Красавина. Аль сказать?

Бальзаминов. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Бальзаминава. Да, Миша.

Красавина. Разве видел что?

Бальзаминов. Видел, видел.

Красавина. Ну, вот тебе и вышло.

Бальзаминов. Да что вышло-то?

Красавина. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Бальзаминов. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопчете об его счастье!

Бальзаминава. Что ты, с ума, что ли, сошел!

Бальзаминов. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться... Поневоле с ума сойдешь.

Бальзаминава. Чаю не хотите ли?

Красавина. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Бальзаминава. Так не прикажете ли водочки?

Красавина. Праздничный день — можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Бальзаминава (*достает из шкафа водку*). Матрена! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрена из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрена из кухни: «Подам! над нами не каплет».

Бальзаминов. Ведь вот удавить Матрену — ведь мало.

Бальзаминава идет в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Бальзаминава. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Бальзаминава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.